

4. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

М.Л. Хохлина

Астраханский государственный университет

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ФРАЗЕМ
С ИНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Выделение в особую группу фразем с инокультурным компонентом основано на наличии базовой для многих культур архетипической оппозиции «свой» vs. «чужой». Среди фразем, содержащих культурную информацию, нами выделяются (1) фраземы с этнокультурным компонентом, т.е. национально-специфичные, функционирующие в «своем» лингвокультурном пространстве, (2) фраземы с интеркультурным компонентом, т.е. единицы интернациональной фразеологии, принадлежащие к общеэтимологическому фонду ряда языков, а также (3) фраземы с инокультурным компонентом, т.е. определенным образом связанные с «чужой» культурой.

Разграничим понятия «заимствованная фразема» и «фразема инокультурного характера». Вслед за рядом исследователей (Э.М.Солодухо 1977, Д.Ю. Алтайбаева 1983, Н.М.Шанский 1996, Т.М.Шихова 2005 и др.) под заимствованной фраземой мы понимаем единицу, основным квалификационным критерием определения которой является язык-источник и пути ее проникновения в русский язык. Фраземы с инокультурным компонентом выделяются нами на основе способа и характера отражения в них инокультурной семантики, которая формируется (а) как результат видения и понимания носителями русского языка «иных» культур и этносов сквозь призму единиц фразеологического фонда, а также (б) как результат процесса проекции значимых для «иных» культур компонентов на формально-семантическую структуру фразем русского языка.

Тот факт, что фразема появилась в русском языке в результате процесса заимствования, является, на наш взгляд, существенным показателем инокультурного характера единицы. Однако нельзя однозначно утверждать как то, что любая заимствованная фразема есть фразема с инокультурным компонентом, так и то, что необходимым условием формирования инокультурной семантики является иностранный язык, с которым этимологически связана фразема.

Например, общеизвестно, что фразема *не в своей тарелке* – ‘плохо настроен, плохо себя чувствует’ представляет собой кальку с французского (*nêtre pas*) dans son assiette (ordinaire), где выражение первоначально применялось к состоянию корабля, которому нельзя было свободно двигаться вследствие низкого уровня воды, а затем получило переносное значение [Михельсон 1903: 643]. В русский литературный язык, по данным В.В. Виноградова, фразема проникла из жаргона европеизирующихся «щеголей» и

«щеголих» второй половины XVIII в. Так, в «Живописце» Новикова (1772 г.) читаем: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? ведь я влюблен в вас, до дурачества: вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я **не в своей сижу тарелке**» [Виноградов 1994: 367]. Еще А.С.Пушкиным в заметках «Множество слов и выражений...» было указано на неверность перевода с французского: вместо *assiette* в значении 'настроение, расположение духа' в русском языке был ошибочно выбран омоним французского слова со значением 'тарелка' [Серов 2005: 279]. Данный этимологический анализ раскрывает заимствованный характер фраземы **не в своей тарелке**, однако не дает нам оснований признать рассматриваемую единицу инокультурной, поскольку ни структурный, ни семантический компонент фраземы не соотносится с теми или иными элементами французской культуры.

Ср.: фразема **великолепная семерка** является калькой с английского языка: The Magnificent Seven – название американского фильма-вестерна, которое стало когнитивной базой для появления в русском языке соответствующего выражения со значением – *шутл.* 'о семи замечательных чем-либо людях'. Например: *На пресс-конференцию в «МК» приехали все режиссеры «Великолепной семерки» «МК», а некоторые и в компании своих продюсеров* (www.mk.ru/daily). В данном случае именно компонент «семерка» сохраняет устойчивую когнитивно-дискурсивную связь семантики фраземы с семью героями американского фильма, т.е. свидетельствует об инокультурном характере рассматриваемой единицы. Дальнейший процесс активной адаптации фраземы в лингвокультурном пространстве русского языка связан с образованием одноструктурных единиц по фразеологической модели «великолепная + четверка (пятерка, шестерка...)». Например: *Звонит в ушах лихая музыка атаки, / Точней отдай на клюшку пас, сильней ударь, / И всё в порядке, если только на площадке / **Великолепная пятёрка** и вратарь* (муз. А.Пахмутовой, ст. С.Гребенникова). «Количественный» компонент в подобных фраземах становится переменным, и смысловой центр переносится на компонент «великолепная» с набором всех возможных коннотативных сем.

Анализ функционирования некоторых фразем, этимологически не связанных с иностранным языком, доказывает возможность их отнесения к группе единиц инокультурного характера. Так, фразема **в Греции все есть** – *'шутл.-ирон.* 1. У нас имеется все (особенно в случаях, когда появляется особая необходимость в чем-л., что есть у говорящего). 2. О человеке, хвастливо претендующем на то, что у него есть все' [Бирих 2005: 167] – родилась в дискурсивном пространстве русского художественного текста: цитата из водевиля А.П. Чехова «Свадьба» (1890), где один из героев, кондитер-грек, хвастливо говорит: «В Греции все есть». Топоним «Греция» является культурно значимым компонентом семантической структуры фраземы, связанным со стереотипными представлениями рус-

ских о Греции как о стране, в которой есть все и в больших количествах, что зачастую обуславливает функционирование фраземы именно в «греческом» контексте: *Незабываемые впечатления останутся у Вас от посещения таких греческих островов, как Закинтос, Санторини, Кос, Миконос. В общем, знаменитая фраза «В Греции все есть» оправдывает себя* (www.tarmina.ru/countries). Таким образом, русское дискурсивное странство не исключает возможности формирования инокультурной семантики фраземы.

Корпус инокультурных фразем составляют разноплановые по структуре и семантике единицы. Если принимать во внимание компонент, входящий в структуру фраземы и собственно указывающий на ее «инокультурность», то можно выделить **5 основных типов** единиц подобного рода.

Во-первых, к инокультурным фраземам следует отнести единицы с компонентом-этнонимом (*немец, француз* и др.) и его дериватами (*немецкий, французский, по-немецки, по-французски* и др.) типа *тихий американец, на турецкую пасху, цыганская душа, еврейский звонок, горячие финские парни* и др. Данные единицы в основном организуются по 3 структурным моделям – «прилагательное + как + этноним» (*пьян как грек*), «прилагательное (дериват от этнонима) + существительное» (*цыганская жизнь*), «глагол (существительное) + наречие на -ски (дериват от этнонима)» (*развод по-итальянски*).

Большинство единиц такого рода вербализуют стереотипы о психологических особенностях представителей «другой» национальности или репрезентируют те или иные качества как свойственные национальному характеру «иного» народа: *жадный как еврей, английский юмор, китайские церемонии, немецкая аккуратность, африканские страсти* и др. Например: *Берсеневу, как коренному русскому человеку, эта, более чем немецкая, аккуратность сначала казалась несколько дикой, немножко даже смешной* (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо). Во фраземе *немецкая аккуратность* (*аккуратен как немец, немец аккуратный*) отразились стереотипные представления русских о немцах как народе, любящем точность и порядок во всем.

Выделяется также немногочисленная группа единиц, номинирующих некоторые особенности внешности как типичные для людей определенной национальности: *талия как у французенки, черный как негр, грузинский нос* и некот. др. Например: *Если раньше у девушки был типичный грузинский нос, то теперь эта часть лица у Кэти ровненькая и немного вздернутая* (www.life-star.ru). Во фразеосочетании *грузинский нос* десемантизации подвергается этнонимический компонент, вербализующий представления русскоговорящих о такой форме носа, которая типична прежде всего для грузин – ‘большой, с горбинкой’.

Во-вторых в состав инокультурных фразем входят единицы с компонентом-топонимом и его дериватами типа *китайская сте-*

на, швейцарский сыр, финский дом, британский лев, было дело под Полтавой, быть в Риме и не видеть Папы, В Багдаде все спокойно и др.

Налицо разнородность фразем, входящих в данную группу. С одной стороны, среди них имеются единицы, в которых практически отсутствует идиоматичность, т.е. они прочитываются фактически в прямом значении: ‘произведенный в каком-л. месте’ (**французская водка, египетские папиросы** и др.), ‘характерный для какого-л. места’ (**венский вальс, фламандская школа** и др.), ‘произрастающий или выращенный в каком-л. месте’ (**китайский орех, башкирская лошадь** и др.) и т.п.

Как одноструктурные перечисленным единицам рассматриваются фраземы, возникшие в результате семантической деривации на основе топонимов и этнонимов и обобщенные мотивированными представлениями о чужих народах и землях, – ксенонимы [Березович 2006]: **татарская ива костр.** ‘ива, с которой не дерется кора’, **сибирский ананас орл.** ‘ягодный кустарник облепиха’, **жидовская корова** ‘коза’, **французское золото** ‘самое плохое, низкопробное’ и др.

В ряде случаев граница между фраземами с топонимическим и этнонимическим компонентом достаточно подвижна, поскольку прилагательные типа *китайский, турецкий, английский* и др. могут быть дериватами как от топонима, так и от этнонима. Сложность разграничения возникает в первую очередь среди фразем, организованных по фразеологической модели «прилагательное + существительное». Например, семантика единиц **итальянское окно** (‘широкое окно, имеющее три-четыре створки’) и **итальянский карандаш** (‘чертящий, рисующий материал, применяемый графиками’) мотивирована представлением об Италии как о стране-первоисточнике появления такого типа окна или карандаша. В единицах **итальянская бухгалтерия** (‘двойная бухгалтерия’) и **итальянская забастовка** (‘вид забастовки, во время которой бастующие являются на место работы, но не работают или делают вид, что работают’) семантика мотивируется не столько топонимом *Италия*, сколько этнонимом *итальянцы*, т.е. те, которые указанным способом ведут бухгалтерию или устраивают забастовки.

Итак, семантика описанных выше двух групп фразем с компонентом этнонимом и компонентом-топонимом непосредственно связана со сформировавшимися в русском языковом сознании обобщенными представлениями о «чужом» этносе и его территории, которые определяются историческими, социальными и культурными факторами.

К третьей группе инокультурных фразем можно отнести единицы с компонентом-антропонимом и его дериватами типа **последний из Могикан, дядя Сэм, платоническая любовь, бальзаковский возраст, пифагоровы штаны, диогеновский фонарь** и др.

В формальной структуре некоторых единиц, входящих в данную группу, сохраняется компонент – имя собственное, несущий основную лингвокультурологическую информацию, которая играет существенную

роль в формировании фразеологической семантики. Так, фразема **Ормузд и Ариман** – иноск. ‘доброе и злое (начало)’ – связана с именами мудрого бога Ормузда (новоперс. Hôrmazd, зенск. Ahrûd mazdâo) и бога Аримана (древнеперс. Ahriyamanîyus, зендск. aîhro mainyuus), которые являются, соответственно, олицетворением добра и зла в религии зороастризма. Например: *Берн-Джонс и Бердслей – два пути, расходящиеся от одного начала. Положительный и отрицательный полюсы англосаксонского эстетизма. Ормузд и Ариман той интеллектуально-чувственной мистики, которая выявляет дух расы в искусстве англичан* (С. Маковский. Обри Бердслей). В основу формирования фразеологического значения данной единицы положена когнитивная модель, построенная на объединении образов-антиподов. Ср.: **Монтекки и Капулетти, Гераклит и Демокрит**.

Семантика фразем, в которых собственные имена становятся нарицательными названиями предметов и лиц, основывается на закреплении за собственно антропонимом стойкой ассоциативной связи с какими-то признаками, свойствами, явлениями и событиями. Так, значение фраземы **платоническая любовь** – ‘близкие отношения между двумя людьми, подразумевающие только духовное влечение’ – обусловлено знанием того, что именно великий философ Платон выделял, помимо сексуальной, и особую форму чистой, возвышенной любви. Фразема **бальзаковский возраст** – ‘о женщине в возрасте 30-40 лет’ – связана с именем французского писателя Оноре де Бальзака, автора романа «Тридцатилетняя женщина», представившего в литературе образ женщины соответствующего возраста.

Четвертая группа инокультурных фразем представлена единицами с компонентом-артефактом, т.е. компонентом, называющим предмет или субъект, значимый для «чужого» культурного пространства: **опереточные мушкетеры, завести гарем, чувствовать себя как в латах, на кумыс поехать/отправиться, погрузиться в нирвану** и др.

Большинство фразем названной группы существуют в языке параллельно с фраземами, имеющими национально-специфический характер. Ср. синонимичные фраземы **словно шайтана бояться** и **бояться, как черт ладана** – ‘о сильном страхе, испуге’, где *шайтан* – в исламе злой дух, дьявол, демон, а *черт* – славянский персонаж дохристианского происхождения, родовое название для обозначения злых сил. Обратим внимание: компонент «шайтан» в структуре инокультурной фраземы – это объект страха, тогда как в этнокультурной фраземе «черт» не является причиной боязни, в компаративном обороте объект сравнения – это сам черт, испытывающий страх перед *ладаном* – используемыми в церкви ароматическими смолами, возгоняемыми в кадиле на горящих углях. Следовательно, образная составляющая фразеологического значения данных единиц зависит от степени «чуждости» компонентов фраземы культурной действительности носителей языка.

Среди фразем с компонентом-артефактом в речи функционируют единицы, сохраняющие исключительность инокультурного компонента. Например, во фраземе *спартанцем жить* – ‘просто, без всяких излишеств, довольствуясь самым необходимым’ – содержится намек на строгие законы Спарты, и компонент «спартанец» не имеет точного аналога в русском лингвокультурном пространстве.

В пятую группу объединяются инокультурные фраземы, которые интерпретируются нами как единицы, эксплицитно не содержащие в структуре инокультурного компонента, но соотносимые с одним из инокультурных дискурсивных пространств: *рыцарь печального образа, гадкий утенок, хлеба и зрелищ, сезам отворись, злой гений, сим-сим откройся* и др.

Фраземы, которые составляют данную группу, существуют в таких когнитивно-дискурсивных пространствах, как:

- дискурсивное пространство зарубежной литературы (*бремя белого человека, боливар не вынесет двоих, прогнило (неладно) что-то в датском королевстве* и др.);

- дискурсивное пространство зарубежного кинематографа (*богатые тоже плачут, в джазе только девушки* и др.);

- дискурсивное пространство фольклора других народов (*быть большим католиком, чем Папа римский, начать с яйца* и др.);

- дискурсивное пространство речи иностранных деятелей (*призрак бродит по Европе, призрак коммунизма, насилие – повивальная бабка истории* и др.).

Семантика фразем, входящих в одну из последних трех групп, не отражает непосредственно образ «чужого» мира, она сопряжена скорее с заимствованием компонентов «иной» культуры для заполнения «семантических лакун», имеющих место в «своем» лингвокультурном ареале.

Помимо указанных основных типов следует, на наш взгляд, включить в корпус фразем инокультурного характера небольшие по количеству представленных в них единиц группы:

А. Фраземы, в основе формирования значения которых лежит перифраза, т.е. единицы, имплицитно описательно номинирующие инокультурное пространство и его составляющие (*туманный Альбион, страна Восходящего Солнца, вечный город* и др.)

Б. Калькированные фраземы типа *финита ля комедия, цирлих манирлих, дэус экс махина, но пасаран*, поскольку в данном случае явственна, прямо прослеживается связь подобных единиц как с языком-источником, так и с инокультурной действительностью.

Таким образом, в задачи данной статьи входило лишь максимально полно представить весь многоплановый корпус русских фразем, функционирование которых, с одной стороны, направлено на номинацию и (или) оценку реалий, объектов, фактов «иной» культуры (*японский городской,*

веселая Англия и др.), а с другой стороны, «чужеродных» русскому лингвокультурному пространству, несмотря на отсутствие прямого названия инокультурного источника (*гомерический смех, асфальтовые джунгли* и др.). На наш взгляд, такие единицы можно объединить термином «**иннокультурная фразема**».

Литература

1. Березович Е.Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3-18
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко; СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
3. Виноградов В.В. История слов / отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1994. – 1138 с.
4. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. / М.И.Михельсон. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903 (или 1904). Т. 1. 779 с.
5. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М.: Изд-во: [Локид-Пресс](#), 2005. 880 с.

М.С. Гутовская

Белорусский государственный университет

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ И ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

К фразеологизмам относят номинативно целостные обороты, имеющие структуру словосочетания и характеризующиеся относительной устойчивостью компонентного состава и воспроизводимостью.

Воспроизводимость, устойчивость и соотносимость по структуре со словосочетанием являются основными категориальными признаками фразеологизма, которые помогают отделить фразеологизм от других языковых единиц и определить границы фразеологии. Фразеологизмы существуют в языке и удерживаются в памяти человека как стабильные целостные номинативные единицы; в отличие от свободных словосочетаний, которые строятся непосредственно в речи, фразеологизмы воспроизводятся в речи в готовом виде.

Большинству фразеологизмов присуще постоянство компонентного состава, а также фиксированный порядок расположения компонентов и устойчивость их грамматической формы. Изменение этих параметров устойчивости может приводить к разрушению фразеологизма. Например, компоненты фразеологизма раскинуть умом нельзя заменить синонимичными или тематически близкими словами (нельзя сказать *раскинуть головой),